

УДК 821.161.1

**К ОДНОМУ ИЗ БИЛЬЯРДНЫХ, И НЕ ТОЛЬКО,
ЗНАКОМСТВ МАЯКОВСКОГО:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА В.Н. БОРАХВОСТОВА**

© Меленевская Эвелина Дмитриевна (2020), SPIN-code: 2856-8333; ORCID: 0000-0001-7727-5019, независимый исследователь, melvelina@yandex.ru

Рассмотрены вновь обнаруженные факты жизни и деятельности забытого писателя Василия Никитича Борахвостова (1905 – 1988), происходившего из царичынских казаков и являющего собой пример раннесоветского эксперимента по выращиванию «писателей из народа». Как писатель забытый заслуженно, он представляет несомненный интерес как участник, пусть даже маргинальный, литературной жизни тридцатых годов минувшего века. Связанный многолетними отношениями с И.А. Ильфом, Е.П. Петровым, Ю.К. Олешей, А.А. Фадеевым, Л.В. Никулиным и многими другими представителями советской культурной элиты, он оставил воспоминания, отвергнутые издательством «Советский писатель» вследствие отрицательных отзывов на них В.Е. Ардова и Г.Н. Мунблита. В статье впервые публикуется отрывок из этих воспоминаний, по большей части утраченных, в котором повествуется о том, как, на почве любви к бильярду, состоялось знакомство В.Н. Борахвостова с В.В. Маяковским, бильярдом не ограничившееся. Выявлен генезис одного из заказных публицистических стихотворений Маяковского – «Дела вузные, хорошие и конфузные» (1927), созданного по материалам фельетона В.Н. Борахвостова «Пари». Обозначена дальнейшая судьба художников, студентов ВХУТЕМАСа, «героев» этого фельетона. Опубликованный в 1926 г. в журнале «Красное студенчество», фельетон был перепечатан в 1927 г. «Комсомольской правдой», что привлекло общественное внимание к печальному состоянию советского студенческого общежития.

Ключевые слова: Борахвостов, Маяковский, билиард, ВХУТЕМАС, «Дела вузные, хорошие и конфузные».

Про одного своего полуприятеля, полуписателя, полубиллиардиста и покериста Маяковский презрительно сказал: «Он хорошо настроен, потому что плохо осведомлен». Это было уже в сталинскую эпоху¹.

Анатолий Мариенгоф

«Полубиллиардист» – это Мариенгоф то ли со зла, то для красного словца: бильярдистом Василий Никитич Борахвостов – а есть некоторая уверенность, что речь именно о нем, – был «высокого класса», так его многие характеризуют (к примеру, автор авторитетного учебника по бильярду²), и именно своей репутации бильярдиста обязан Борахвостов честью сделаться «полуприятелем» Маяковского.

В 1965–1968 гг. Борахвостов даже опубликовал серию статей о бильярде в «Науке и жизни», и ссылка на эти статьи стала первым, что высветилось в интернете, когда я начала свои о нем разыскания. Разыскивать же пришлось потому, что лет двадцать тому назад в хранении ВГБИЛ я ненароком сняла с полки желтый томик, антологию рассказов, в 1936 г. опубликованных американским издательством Макмиллан, и в оглавлении, к изумлению своему, обнаружила – рядом с такими русскими авторами, как Чехов, Бабель и Олеша, – фамилию, совершенно мне незнакомую, и к тому же, как потом выяснилось, транскрибированную с ошибкой: V. Vorohvastov.

Не сразу, но все-таки удалось уточнить имя автора рассказа «Тигр» [Vorochvastov 1936, 643–654], попавшего в почтенную антологию; понемногу история обрастала подробностями [Меленевская 2016, 329–352], я поработала в РГАЛИ и в Подольском военном архиве, но, главное, объявился сын писателя, Илья Васильевич Борахвостов, дипломат в отставке, который привез мне то очень немногое, что осталось у него от архива отца.

¹ [Мариенгоф 1998, 363].

² «В середине 30-х гг. в партии с Валерием Павловичем Чкаловым он (Борахвостов. – Э.М.) в решающий момент (игра шла в «последнем» шаре) поторопился, забыл помелить кий и дал промах, в результате чего «свой» вышел на удобную позицию. Чкалов красиво положил в угловую лузу последний шар и одержал эффектную победу, хотя в целом уступал своему партнеру в классе игры» [Балин 2004, 342].

Загадки еще остаются, и шансов, что найдутся разгадки, все меньше, но на удивление подробно удалось восстановить совсем было потерянный след человека, имевшего обыкновение, ссылаясь на Маяковского, представляться как «лучший бильярдист из писателей и лучший писатель из бильярдистов» [Меленевская 2019, 172–184].

Царицынский казак из семейной артели грузчиков, Василий Никитич Борахвостов родился 4 февраля 1905 г., окончил церковно-приходскую школу, в 1924 г. послан в Москву на литературное отделение Единого художественного рабфака (называвшегося также Рабфаком искусств), оттуда без экзаменов перекочевал в МГУ и на последних курсах проходил практику в ведущем в те годы толстом литературном журнале «Красная новь», где обзавелся множеством полезных знакомств. Бойко вписался в творческую среду, стал печататься. Перед Первым съездом писателей, на волне горьковского призыва новобранцев в литературную армию, вошел в число наиболее «перспективных», «творчество» его обсуждалось активно, даже Горький отметил... Однако новелла «Тигр» – та самая, что воскресила нынешний к нему интерес, по определению составительницы американского сборника Дороти Брюстер, «простенькая» история из жизни пограничников на советском Дальнем Востоке, в которой «в атмосфере напряженной бдительности, шпионажа, жестокости произведена все-таки попытка сохранить, по выражению Генри Джеймса, “редкий цветок” человеческой индивидуальности» [Brewster 1936, XIV], опубликованная сначала в «Знамени» в 1934 г., а позже по-английски и по-немецки, – так и осталась венцом его писательских достижений.

Войну, вплоть до Вены, он прошел корреспондентом армейской газеты. Военные приключения Борахвостова, закончившиеся исключением его из Союза писателей, отчасти уже описаны, хотя тема еще не закрыта [Меленевская 2020]. Остаток дней он зарабатывал на жизнь игрой в бильярд в ЦДЛ и неутомимо писал: в РГАЛИ на его труды, неизменно редакциями отвергавшиеся, хранится немало рецензий. Дата смерти, как недавно удалось выяснить, 12 апреля 1988 г. Смеею сказать, что нет веских оснований помнить и чтить его как писателя, но как деятельный участник литературного процесса он не может не быть интересен.

Среди неопубликованного и по большей части утраченного – 800-страничные воспоминания о многолетней дружбе с И.А. Иль-

фом, Е.П. Петровым, Ю.К. Олшей, В.П. Катаевым, Л.В. Никулиным и многими московскими писателями, которые, очевидно, что-то, помимо бильярдного мастерства, в обществе Борахвостова находили³.

Выбившийся из простонародной среды, где все вопросы принято было решать кулаками, где за вранье и выпивку пороли даже взрослых детей («казачья плеть... обычно висела у нас в переднем углу, рядом с иконами» [Борахвостов. Рукопись 1]), Борахвостов сохранил за собой эту манеру, чем не раз навлекал на себя проблемы. Впрочем, те же «взрывные» замашки стали ему и некоей охранной грамотой и, шумно свидетельствуя о простодушии, открытости и неуправляемости, спасли, как уверяет сын, от сотрудничества с органами (что удивительно, учитывая то, с каким простодушием Борахвостов готов был угождать власти, о чем свидетельствуют рапповских времен рецензии, первое, что опубликовано им в «Красной нови»). Как бы то ни было, непосредственность его, приправленная зоркостью молодого глаза, нахватанностью, способностью к имитации и неожиданной склонностью к эстетству, на которую настойчиво указывал Лев Никулин и которая, при отсутствии вкуса и чувства меры, не исключено, могла потешать, создавали индивидуальность, определенно не лишённую обаяния.

Тем же вопросом, объяснением прочных отношений между Борахвостовым и ведущими прозаиками тридцатых годов, задается сатирик В.Е. Ардов во внутреннем издательском отзыве на борахвостовский мемуар, пространно озаглавленный «Путь к сердцу мужчины... Записи, заметки, сценки, воспоминания об Ильфе и Петрове, их остроты и розыгрыши, размышления вслух, афоризмы и устные новеллы» и вызвавший у Ардова нескрываемую ярость.

«Должен сказать – на это указывает и сам Борахвостов – упоминаемые им писатели относились к Борахвостову как к своеобраз-

³ Забавный пример тому из дневника семнадцатилетнего, но уже тогда желчного Ю.М. Нагибина: «Да – чуть не забыл – в бильярдной ДСП я встретил 3-х молодых поэтов и одного молодого прозаика: Острового, Сергея Васильева, Орешина (возраст последнего неопределенен) и Борахвостова. Более пошлого, чем разговор этих литературных дельцов, мне ничего не приходилось слышать. Островой льстил Борахвостову, рассказывая о его странностях, и этот болван весь краснел, как от большого и, может быть, даже незаслуженного комплимента, я даже не предполагал, что люди способны вызывать столь гадливое чувство» [Нагибин 2017, 249] (за эти сведения я благодарю корреспондента «Вечерней Москвы» М.А. Раевскую. – Э.М.)

ному и забавному явлению, нечастому в литературной среде. Это я помню отлично. Отсюда их интерес к его высказываниям, к подробностям его биографии и его странного быта и т. д. Помнится, Борахвостов в те годы ходил и зимой без пальто. Олеша прозвал его за то «Царь стужи». Характерный штрих...» [РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238].

Не вижу ничего уничижительного в прозвище «царь стужи», напротив, мне кажется, из уст Олеша это звучало поэтичней и куда комплиментарней, чем «босьяк» и «грузчик», как величал Борахвостова, например, Никулин, – если, конечно, не брать в расчет интонацию.

«Я верю, что ни одной шутки, которую произносят в книге Борахвостова наши литературные друзья, автор не выдумал сам, – продолжает Ардов. – Он их воспроизводит довольно точно. Почему я говорю “довольно”? Потому что помимо текста, в каждой фразе, в каждом слове Петрова или Ильфа, Олеша или Никулина и т.д. была еще живая интонация. Ее и вообще нельзя воспроизвести в печати. Но можно найти какое-то словесное приближение к подлинному звучанию – путем комментария мемуариста к данным словам, путем соответствующей тональности всех мемуаров и контекста этих мемуаров.

Ни о чем подобном Борахвостов не думает и не беспокоится. Он превращает для читателя каждого из этих литераторов – умных и талантливых, умеющих глубоко воспринимать мир и тактично, серьезно, значительно отражать его в своих произведениях, в подобие каких-то “шутов Балакиревых”. Все так и сыплют пошлостями. И сам Борахвостов вполне на уровне своих собеседников острит и произносит всяческие мерзости» [РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238].

Оценке Ардова вторит и второй рецензент, драматург Г.Н. Мунблит, подобно Ардову входивший в описанную среду и к тому же ставший автором книги «Рассказы о писателях. Багрицкий, Ильф, Петров, Макаренко»: «...следует добавить, что они не были склонны к глупому гаерству, какому они предаются в “Записках”, не слонялись целыми днями по улицам, как это может показаться из рассказов о них Борахвостова, не были склонны к бессмысленной и не слишком остроумной игре словами... а главное – никогда и ни при каких обстоятельствах не могли оказаться в роли подголосков автора “Записок” в его нигилистических, грубых, а часто и бессмыслен-

ных суждениях о литературе, театре, балете, музыке, женщинах и многих других предметах» [РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238].

Ничего удивительного, что в публикации мемуаров Борахвостову в результате было отказано. Несколько фрагментов из них, касающихся Горького, Ильфа, Петрова и Олеси, были уже в 1991 г. опубликованы сыном в недолговечном постперестроечном журнале «Берегиня», но в 1962–1963 гг., когда мемуары были представлены в издательство «Советский писатель», Виктор Ардов, перечисляя многие и многие претензии к тексту, указывал: «О Маяковском сказано в недостойном тоне. Автор не понимает, что сегодня можно толковать не о живом человеке, с которым он встречался до 30-го года, а о великом поэте, гордости советского народа» [РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238]. «Все эти рассказы о впечатлении, которое он производил на Луначарского или Маяковского, – пишет второй рецензент, Г. Мунблит, – <...> заставляют невольно насторожиться» [РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238].

Две последние цитаты приведены здесь как доказательство того, что публикуемый ниже отрывок, касающийся Маяковского, вероятнее всего, входил в вышеупомянутый мемуар «Путь к сердцу мужчины». Это пять страниц машинописи (четыре первые и восьмая), из тех, что сумел после смерти отца собрать И.В. Борахвостов в его комнате, разгромленной соседями по коммуналке. Это обращенный в прошлое – сквозь тридцать лет – взгляд, под этакий «скетчевый» диалог оформленная попытка выглядеть остроумным, самоироничным, искушенным, попытка, в которой легко считать натянутость, многословность, развязность, подлакированность и даже обиду на судьбу («теперь уже можно праздновать пятидесятилетний юбилей, как из меня ничего не вышло»), и если говорить о стиле, то ничего не осталось от «метафоричности, насыщенной образности стиля, излишней нарядности сравнений» [Никулин 1933, 19], которую приписывал когда-то своему протеже Лев Никулин.

Итак, озаглавлен мемуар «Ни бе, ни ме, ни Мериме» и снабжен эпитафией из поэмы Маяковского «В.И. Ленин»: «Знал он слабости, знакомые у нас, / Как и мы, перемогал болезни. / Скажем, мне – бильярд – отращиваю глаз, / Шахматы ему – они вождам полезней».

Далее – текст в авторском правописании.

Писать о себе, значит уподобиться петуху, который наивно полагает, что солнце каждое утро всходит только для того, что-

бы послушать, как он поет. Но у меня есть смягчающие обстоятельства⁴. Я известен среди писателей, как бильярдист, а среди бильярдистов, как писатель.

В эту мою пресловутую славу известную толику внес Маяковский. Представляя меня кому-нибудь из своих знакомых, он неизбежно острит:

– Это тот самый, который... – И делал затяжную паузу.

Новоиспечённый знакомый, пожимая мне руку, недоумевал. И тогда Маяковский продолжал свою фразу:

– Это тот самый студент, который лучше всех писателей... играет на бильярде и лучше всех бильярдистов... пишет.

Познакомил нас мой друг, тогда еще молодой художник, Федор Богородский. Они вместе учились во ВХУТЕМАСе⁵. Художника из Маяковского не вышло.

Знакомство наше произошло давно. Еще при НЭПе. Не помню – в каком году, но знаю, что Есенин еще был, Блока уже не было, а Евушенко еще не было.

Тогда я учился еще на Рабфаке искусств⁶, куда правительство собирало молодых дарований со всего Советского Союза. Со мной на Литературном отделении учились Павел Васильев⁷, Борис Ковынев⁸ и ныне здравствующий Яков Шведов⁹. Писателей тогда я еще не знал. Они меня – тоже. Но все мы знали Маяковского, а он знал

⁴ Этот зачин Борахвостов с удивительной экономией средств использовал, сколько можно судить при знакомстве с его архивом, неоднократно. Слово в слово он повторен, к примеру, в его письмах режиссеру С.В. Образцову (не раньше 1972 г.) и психологу В.Л. Леви (1974 г.). – Э.М.

⁵ Вряд ли вместе. Маяковский поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1911 г., а Богородский Федор Семенович (1895–1959), художник, учился во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе в 1922–1927 гг. – Э.М.

⁶ На литературном отделении Единого Художественного рабфака (Мясницкая, 21 – т. е. то же здание, в котором располагался ВХУТЕМАС, и общежитие было общее) В.Н. Борахвостов учился в 1924–1928 гг. – Э.М.

⁷ Васильев, Павел Николаевич (1910–1937), поэт.

⁸ Ковынев, Борис Константинович (1903–1970), поэт, автор считающейся народной песни «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...» и не менее знаменитого «Авиамарша» («Там, где пехота не пройдет...»).

⁹ Шведов, Яков Захарович (1905–1984), поэт, автор «Орлёнка» и «Смуглянки».

меня. И не только знал. Правда, приятелями мы не были, но «штатными» партнерами были. В гости к нему я не ходил, его к себе не приглашал. Он сам приходил. Вернее, приезжал. На лихом коне прощельги извозчика. И привозил на нем меня.

Это происходило в тех случаях, когда Маяковский проигрывал мне доставку на дом. Часто наша игра заканчивалась поздно ночью или рано утром – рестораны в то время работали до пяти часов утра – тогда ставкой в последней партии служил извозчик. (Позднее – такси). Кто проигрывал, тот за свой счет вез победителя домой с обязательным проездом под Триумфальную арку, стоящую тогда у Белорусского вокзала.

Если проигрывал я, я вез Маяковского с Манежной площади, – от ресторана «Гранд-отель», – на Лубянку с крюком через площадь Белорусского вокзала. Должен со всей прямотой сознаться, что Маяковскому редко приходилось проезжать под Триумфальную арку. Побезженный слезал с пролетки и ожидал, пока победитель совершит круг почета. Играл он хорошо, но недостаточно. Был вынослив, но силенки на затяжную игру у него не хватало. Упорства же достаточно было на десятерых, ибо Маяковский был весьма равнодушен к бильярду.

Общеизвестно, что шахматисты, отдыхая, играют в футбол, футболисты – в шахматы, дегустаторы держат рот сухим, а маляры – изрядно промачивают его, бухгалтеры – пишут стихи, а поэты играют в бильярд, чтобы переключиться или, как говорил Маяковский, «проветрить мозги».

Когда Федор Богородский представил нас друг другу, и я назвал свою «странную, длинную и трудно произносимую фамилию», как впоследствии писали обо мне за границей, – то Маяковский воскликнул, намекая на мою бильярдную известность:

– Так это вы, тот самый, который?..

– А я же, Володя, не буду знакомить тебя абы с кем, – улыбнулся Богородский. – Сам понимаешь, твое положение меня обязывает.

После обмена рукопожатиями Маяковский спросил меня:

– Ходят слухи, что вы очень хорошо играете на бильярде?

– Слухи для того и существуют, чтобы ходить.

– Нет. Seriously. Правда, что вы даёте всем фору?

– А откуда вам это известно? Из официальных источников?

Маяковский кивнул на Богородского.

– Это Федя прожужжал мне все уши о вашей игре.

– Да он же – чемпион Прикаспийской изменности и ее импозантных окрестностей, – подтвердил, улыбаясь, Богородский.

– И мне дадите фору? – спросил Маяковский, передвигая папиросу из угла в угол своего огромного – не по голове – рта и толстых – не (пропущено «по» – Э.М.) рту – негритянских губ.

– Дам.

– Ну я из вас пушу юшку и на равных.

Мне не нравится, когда из меня пускают юшку, и я решил сбить спесь с Маяковского.

– Хорошо. Где и когда мы скрестим шпаги?

– Да хоть сейчас, – сказал Маяковский. – И вот здесь, в этой апробированной кормушке, – он кивнул на ресторан «Гранд-отель», против которого произошла наша встреча.

– Ну что ж. Я готов в любую минуту встать к барьеру.

– Пошли!

Богородский распрощался с нами. Мы с ним шли в Музей изящных искусств, но Маяковский отколол меня от него. Богородский пошел один, сказав на прощание:

– Желаю вам обоим победы.

При появлении Маяковского в бильярдной маркеры заматались-засуетились. Один побежал в какой-то ресторанный тайник за спрятанным кием, которым играл Маяковский, и поэтому ту палку больше никому не давали.

Другой маркер подскочил к Маяковскому.

– На каком столе будете играть, Владим Владимыч?

– А мне все равно на каком пустить из этого студента свежую юшку. Ну вот хотя бы на этом, – указал он на самый лучший стол.

– Благими намереньями дорога обычно бывает вымощена в ад, – улыбнулся я на его реплику.

Жуя папиросу и натирая мелом принесенный кий, он усмехнулся:

– Вы и Данте читали?

– Не только Данте, но и еще кое-кого.

– А именно? – спросил он, надеясь, что я скажу: «Маяковского». Но я решил похвалить другого, кого он недолюбливал.

– Есенина.

– Не советую читать его. Гитарная поэзия.

Гитара тогда считалась символом мещанства наравне с граммофоном, кенарейкой (sic! – Э.М.) и геранью.

Мы начали партию.

(Пропуск, далее последняя страница, пронумерованная как восьмая. – Э.М.)

– Хорошо. Лет через десять из вас выйдет толк, – он сделал паузу. – Если, конечно, бросите писать стихи.

Стихи писать я бросил, но теперь уже можно праздновать пятидесятилетний юбилей, как из меня ничего не вышло. Но я ему ответил тогда:

– Значит, во мне все-таки есть этот толк, который выйдет из меня через десять лет?

Маяковский опять улыбнулся.

– Великий и могучий русский язык. Понимай его, как хочешь.

Обед, состоящий из жареной курицы, выиграл я.

Третья партия игралась на «позор». Проигравший должен залезть под бильярдный стол и прокричать там три раза петухом. Вот что пишет об этом известный в свое время конференсье А.Г. Алексеев в своей книге «Серьезное и смешно[e]» (см.: [Алексеев 1973, 133]. – Э.М.):

«Маяковский приходил туда (в театральный клуб. В.Б.) поужинать, посидеть с друзьями и поиграть на бильярде.

И играл он тоже «по-маяковски». Вокруг собирались все любители интересных партий. У него был точный прицел и мощный удар, и он мог бить хороших игроков, но со своим бурнопламенным темпераментом разгонял шары по всему бильярду, сталкивал их, вышибал за борты на пол, громыхал, громыхал и... проигрывал, чему, впрочем, нимало не огорчался.

И вот, не помню, 12 или 13 апреля 1930 года (накануне смерти. В.Б.) он был в «Кружке», проиграл кому-то партию (мне. В.Б.) и, по условию, полез под бильярд. (Тут следовало бы кавычки закрыть, цитата из Алексеева закончена, но Борахвостов, не сделав этого, продолжает. – Э.М.) Я частенько загонял его под стол, где он кукарекал басом. Но если среди зрителей были хорошенькие девушки, то Маяковский откупался от «позора» любой ценой. Обычно я давал ему какое-нибудь заковыристое слово, на которое очень трудно найти рифму, чтобы Мая-

На этом мемуар, увы, обрывается, тогда как сюжет «Маяковский – Борахвостов» продолжается и даже приводит к маленькому литературоведческому открытию.

Знакомство Борахвостова с Маяковским произошло, вероятно, в 1925–1926 г. Борахвостов тогда учился на Рабфаке искусств, соседствующем со ВХУТЕМАСом в бывшем здании Московского училища ваяния и живописи, и общежитие, в котором он жил, располагалось в том крыле, что выходит на Бобров переулок. Место чрезвычайно известное. Борис Пастернак описывает его в стихотворении «Детство» (1925), выполненном, кстати, рубленой строкой под заметным влиянием Маяковского:

*Мне четырнадцать лет.
ВХУТЕМАС
Еще школа ваянья.
В том крыле, где рабфак,
Наверху,
Мастерская отца*
[Пастернак 1992, 286].

В двадцатых, когда поэт вспоминает «звон у фрола и лавра», «в расстоянье версты» длинные училищные коридоры, «столетнюю пыль», «пол из плит и на плитах грязцу» [Пастернак 1992, 286], встречаться с Пастернаком, имея множество общих знакомых, Борахвостов, разумеется, мог, но свидетельств об этом не оставил, в силу их, скорее всего, человеческой несовместимости (или, как писал о Катаеве, приятеле Борахвостова, в письме Чуковскому сам Пастернак: «Мы люди совершенно разных миров, ничем не соприкасающихся» [Пастернак 1992, т. 5, 563]).

В общежитии ВХУТЕМАСа жили Велимир Хлебников, Николай Асеев, с которым Пастернак в то время дружил. Жил там и «самый непонятный из всех русских футуристов» [Катаев 2016, 262] Алексей Крученых, своим «дыр бул щыл» напророчивший советский новояз и, как известно, что только не собиравший (в том числе «автографы никому не известных авторов в надежде, что когда-нибудь они прославятся» [Катаев 2016, 262]).

Так и случилось, что в РГАЛИ, среди альбомов Алексея Крученых, хранится тот, что надписан его рукой: «Василий Никитич Борахвостов, род. 1905, в Сталинграде. Материал за период 1926–46 гг. Собрал А. Крученых» [РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1089. Л. 1–73]. В альбоме множество фотографий Борахвостова, подписанных когда им самим, а когда и его знакомцами. Так, под одной из них (времени учебы на рабфаке, в очках, в цилиндре и с трубкой) подпись Бора-

хвостова: «Я в роли английского лорда. Этот портрет попал в редакцию “Рабочей газеты”, которая его напечатала со следующей подписью: «Один из тех, кому поручено социалистическое воспитание рабочей молодежи на Рабфаке Искусств. P.S. Осень 1926 года». Рядом, наискосок, – комментарий Льва Никулина от декабря 1935 г.: «Василий Никитич Борахвостов, найден в редакции Красной нови на столе, спящим. Ввиду беспризорности жил у меня два года, 1934–1935, до лета. Литературному воздействию не поддавался. Не пьющий. Сноб. Эстет, хотя и не интеллигент». Меткая характеристика дана со знанием дела, Никулин всю жизнь Борахвостову покровительствовал, и мнение мэтра о «неподатливости литературным воздействиям», а иначе говоря, необучаемости его протеже, тот подтвердил всей своей жизнью.

Из подписей «с характеристикой» отмечу еще автограф Сергея Михалкова под фотопортретами нашего героя от 1935–1936 гг.: «С 1933-го и в эти годы я дружил с сим типом русского писателя. Оригинален, даровит, нахален. Но... все-же человек видно хороший. Таких на Руси всегда было много. С Михалков. 3.VIII–46 г.». И на следующей странице отклик самого Борахвостова: «Как сейчас помню Сережа Михалков подарил мне свой портрет. Это чрезвычайное происшествие случилось в 1933 году. Михалков тогда был скромным заикой, но на обороте портрета сделал пророческую надпись: – Если этот портрет не войдет в галерею светлых личностей киноактеров, то он наверняка войдет без мыла в литературу. P.S. Этот портрет действительно был помещен на обложке его первой книжки стихов, вышедшей в “Огоньке”, ну а дальнейшая судьба этого разговорчивого заики всем известна. 3 августа 1946 года».

Но главное, что сейчас в рамках сюжета с Маяковским интересно, – это несколько записей Борахвостова к групповой фотографии 1927 г., на которой запечатлена студенческая попойка: «Студенты Вхутемаса. Жили голодно. Накануне годовщин Октябрьской революции и Первого Мая зарабатывали огромные деньги писанием лозунгов и оформлением демонстраций. Заимев финансы устраивали себе праздник». «Чуйков¹⁰ одной рукой обнимает меня, а другой – бутылку шампанского. Я на себя до смешного не похож, ибо я тогда был красивым и без очков» (добавлено 22 августа 1946 г.). Но куда

¹⁰ Чуйков, Семен Афанасьевич (1902–1980) – живописец, народный художник СССР.

важнее (в свете отношений с Маяковским) добавок от 3 августа 1946 г.: «В журнале “Красное студенчество” в 1925 или 1926 году я напечатал фельетон “Пари”. После выхода журнала Маяковский переложил этот фельетон в стихи. Они назывались: “Дела вузные, хорошие и конфузные”. 3 августа 1946 года». И у каждой, кудрявым бисерным почерком, записи на протяжении всего альбома – курчавая подпись, которой Борахвостов явно гордился [РГАЛИ Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1089. Л. 1–73].

К счастью, в хранении РГБ отыскивали «двухнедельный журнал Центрального и Московского бюро пролетарского студенчества “Красное студенчество”», в десятом номере которого за 1926 г., на с. 25, под рубрикой «Быт» напечатан указанный Борахвостовым опус.

Пари

В комнате общежития Вхутемаса от нависших над Москвой туч стоит полумрак. Пять студентов лежат на кроватях и немилосердно курят, от чего воздух в комнате такой, что хоть мольберт вешай.

Курили и думали, кто о чем. Иванов думал о том, что когда он будет вторым Рембрандтом (не ниже, конечно), то тогда уж ни за что не будет вставать с кровати, – так, лежа, и картины будет писать. Будилов думал о том, что когда он кончит Вхутемас, то получит заграничную поездку в Италию. А Зеленский думал о том, что хорошо бы сейчас получить наследство от какого-нибудь американского дядюшки и первым делом сходить в столовую и досыта поесть котлет с макаронами.

Зеленский первым очнулся от приятных дум и с глубоким вздохом проговорил вслух:

– Эх, сейчас бы макарон поесть! Фунта два бы съел.

Эти слова пробудили и остальных. И второй – Рембрандт (пока же Иванов) – переворачиваясь на другой бок (от чего в его желудке глухо и злоеце забурчало), промолвил:

– Я бы пять фунтов съел.

Тут уж не удержался и Будилов.

– А не съешь.

– Съем.

– Не съешь.

– Съем.

– Держим пари на рубль? – предлагает Будилов.

– Идет!

Будилов оживленно соскакивает с кровати и начинает одеваться. Все пришло в движение. Мигом составляется жюри из трех человек.

Составили протокол, по которому “тов. Иванов обязан в течение полу-часа времени съесть пять фунтов варёных макарон, в противном же случае он обязан уплатить стоимость макарон и проигранное пари”.

Принесенные макароны под наблюдением жюри были сварены и взвешены.

Иванов, распустив пояс, садится есть. Вокруг него уселось жюри с часами в руках. Все замерло в томительном ожидании.

Сначала макароны быстро убавлялись, но скоро стало заметно, что челюсти Иванова двигаются все медленнее и медленнее. Иванов наелся, но съел только половину. Тогда начинаются поиски способов для возбуждения аппетита. Расстёгивается предмет широкого потребления (видимо, ремень, которым лупили детей? – Э.М.), но это не помогает. Иванов просится в уборную. Его ведут все члены жюри.

Придя из уборной, Иванов опять садится есть. Часы показывают 10 минут до срока. Иванов торопится. Лицо начинает краснеть. Глаза с каждой ложкой все больше и больше вылезают из орбит.

Наконец показывается дно миски. Осталось пять минут. Через три минуты раздаются возгласы и радости, и досады. Иванов съел все пять фунтов макарон.

Вот чем занимаются Вхутемасовцы от скуки [Борхвостов 1926, 25].

Никаких сомнений в том, что именно из этой глупейшей истории выросли две «лесенки» Маяковского под общим заголовком «Дела вузные, хорошие и конфузные» (оплата, помним, построчная). Привести их полностью, за недостатком места, невозможно, а если цитировать в строчку, то теряется вся энергия. Первая «лесенка», под названием «Живот на алтаре отечества», подробно пересказывает борхвостовское «Пари»:

Возьмем Иванова. / Герой Вхутемаса. / Я / этим пари покорен: / он съел / в течение / получаса / пять фунтов макарон! / Пари без

моишества: / сиди и жри! / А сверху / стоит жюри. / Когда он / устал /от работы упорной / и ропот / в кишке / начался, / жюри / стояло... / у дверей уборной / добрых полчаса. / Уже Иванов / в сомненье / скорбит: / победа и честь / – или крах? / Вылазят глаза у него из орбит, / и страшен / рожги / распухший вид / – горит, / как солнце в горах Минута... / Скорей! / Замирает зал... / Герой / губою одной / последние / две макароны / всосал / и хлопнул / ложкой / о дно. / «Ура!» – орут / и север / и юг. / Пришли / представители прессы. / Снимают, / рисуют, / берут интервью, / на пузо / ставят / компрессы. / «Ура!» / Победил российский / спорт, / на вуз / не навел / конфуза... / И каплет / на пол / кровавый пот / с его трудового / пуза [Маяковский 1927].

В архиве Борахвостова сохранилась страничка воспоминаний (пронумерованная как 252), рассказывающая, как он пришел к соседям по общежитию ВХУТЕМАСа уточнить детали этой истории и долго ждал, когда вернутся из кино ее герои. Отметив сугубо казарменную обстановку («койки, стол и табуретки <...> ни шкафа, ни тумбочек, ни штор»), Борахвостов ничем не подтверждает многоцветных воспоминаний Катаева, согласно которым в общежитии художников «все стены были увешены полотнами и картонами без рам с изображениями <...> красных треугольников на зеленом фоне, лиловых квадратов на белом фоне, интенсивно оранжевых полос и прямоугольников, пересекающихся на фоне берлинской лазури. Царили Лавинский, Родченко, Ключен...» [Катаев 2016, 263]. Зато картинка, оставшаяся от Борахвостова, приправлена философскими размышлениями. Вот он входит в незапертую комнату, где никого нет, и видит кресло

...с уже изрядно потертым плюшем и довольно прочно поцарапанной полировкой на красном дереве. Оно стояло у двери, но поза его была странной (! – Э.М.). Оно было повернуто спинкой не к стене, а наоборот. И если на всей остальной мебели валялось студенческое барахлишко, то на этом странном кресле не лежало ни одной вещи и повернуто оно было, видимо для того, чтобы на него не садились.

Несколько задержавшись на нем взглядом, я подумал, что вещи имеют свою судьбу (! – Э.М.). Ну, например, это кресло. Как оно сюда попало? В комнату, где койки были казарменного типа, стол и

табуретки – кухонного. А большие ничего не было. Ни шкафа, ни тумбочек, ни штор. Все, что происходило в комнате вечером при огне, прекрасно просматривалось из всех окон такого же восьмиэтажного дома, стоящего во дворе напротив, в метрах тридцати. Не более.

И вдруг, тут такое аристократическое кресло!

Время тянулось нестерпимо.

Я понял, что день всегда тянется медленно, а жизнь проходит быстро (! – Э.М.).

Наконец, около полуночи в коридоре послышались шаги многих ног, веселые голоса, обсуждавшие только что просмотренный фильм. Потом двери комнаты широко распахнулись и на пороге, при виде меня, окаменело трое студентов-художников [Борхвостов. Рукопись 3].

Характерно, что эти студенты, участники пресловутого пари, даны в фельетоне под своими подлинными фамилиями (лишь Будо назван «Будиловым»), и при последующей перепечатке в «Комсомольской правде» это исправят). За каждым, если глянуть из нынешних дней, – судьба. Сибиряк Петр Васильевич Будо (1904–1941), участник конкурса на проект Дворца Советов, добровольцем-ополченцем ушел на войну и пропал без вести в декабре 1941 г.¹¹ Александр Васильевич Щипицын (1897–1943), не упомянутый в заметке член «макаронного жюри», был старше всех, повоевал не только на гражданской, но и на Первой мировой. Современные исследователи высоко оценивают его художественное наследие [Ройтенберг 1985, 108–120], сохраненное еще одним участником этой истории, скульптором Алексеем Евгеньевичем Зеленским (1903–1974), работы которого представлены в Третьяковке. И лишь о судьбе собственно «пожирателя макарон», «второго Рембрандта» Иванова, в силу распространенности фамилии приходится судить только по воспоминаниям Борхвостова: «Третий был Сергей Иванов. Уцелел он или нет – мне неизвестно. После окончания вуза он уехал к себе в Моршанск – и пропал. Потом, во время войны, когда я дрался уже в своем родном городе, переименованном в Сталинград¹², то

¹¹ Согласно данным сайта «Память народа».

¹² Этот выпад в адрес развенчанного вождя, на фоне того, что даже в романе о дореволюционном Царицыне Борхвостов именовал его жителей «ста-

неожиданно получил от него письмо. Оказалось, что он воюет в соседней дивизии. Прочитал одну из моих статей в газете и зная, что фамилия очень редкая, принял меня за меня. И не ошибся. Больше мне о нем ничего не известно...» [Борхвостов. Рукопись 3].

Однако ж в 8 томе собрания сочинений В.В. Маяковского (1956) указано, что вовсе не «Пари» из «Красного студенчества» послужило поводом к созданию «Дел вузных, хороших и конфузных»: «Первая публикация в “Комсомольской правде”, 1927, 7 июня (№ 126). Написано по материалам корреспонденций, напечатанных в “Комсомольской правде” 28 мая 1927 г.».

Оказывается, прежде чем пригодиться Маяковскому, борхвостовское «Пари» послужило тому, чтобы общественность обернулась лицом к быту студенчества. Обернулась – и ахнула. В указанном номере «Комсомолки» добрая половина полосы посвящена жизни вузовских общежитий, причем большая доля материалов определено написана Борхвостовым.

Под шапкой «В студенческих спальнях» крупным шрифтом кричащий «звонок»-преамбула: «Грязь, похабщина, безделье и взаимная вражда царят в вузовских общежитиях. – Трудно заниматься, невозможно упорядочить досуг. – Лучшая часть студенчества живет, “заткнув уши ватой”. – Нужно не затыкать ушей, а повести решительную, организованную борьбу с дикостью и разгильдяйством. – Опыт Вхутемаса – пример для всего студенчества».

Ниже – иллюстрирующая размах проблемы и все-таки взвешенная по тону редакционная статья «Бурсацкие нравы», подписанная И. Червиным (ср. в «Делах вузных» Маяковского: «Пора / из наших вузов / известь / такие нравы / бурсацкие»). Эпитетов автор не жалеет, картина вырисовывается самая неприглядная, и борхвостовское «Пари» там – только бледная краска. Цитата: «...мещанский, безалаберный быт общежитий <...> безжалостно сечет и треплет здоровье студента, притупляет человеческое достоинство и интерес к жизни (выделено в оригинале. – Э.М.) <...> В общежитиях процветают воровство, склока, скандалы, развито какое-то внешне-незаметное, мелкое ненавистничество. Товарищеское отношение, спайка совершенно отсутствуют...» И – пример за примером:

линградцами», свидетельствует о том, что написан текст после XX съезда КПСС (1956 г.).

В комнате четверо. Двое хорошо занимаются, рано ложатся спать и рано встают. Двое же других занимаются мало, спят до часу, до двух дня. Приходят поздно ночью с гулянок и делятся впечатлениями. «Эх, и баба же, на-ять!» Хохот. «Да, а вот моя – корова!» Опять хохот. Разбуженные товарищи просят дать покой. По их адресу летят обвинения в мещанстве, аскетизме, отрыве от масс и т. д. И так каждый день.

В комнате двое. Один опрятный, второй всюду грязнит, не убирает и на замечания первого отвечает: «Ты мне надоел со своей чистотой, мне пустяками заниматься некогда». Берет грязные, потные портянки и вешает на батарею сушить. От портянок по всей комнате тянется вонь. После нескольких просьб повесить портянки на батарею в коридоре, первый студент сам выносит их в коридор. Любитель грязи вешает портянки вновь и заявляет: «Если еще выбросишь, в морду получишь!» [Червин 1927].

Хуже того, случались истории, которые автор даже не решается привести: «есть картинки и похлеще, да места мало и, боюсь, бумага не вытерпит» [Червин 1927].

Рядом – заметка «От нечего делать» с конкретными примерами издевательств над товарищами, подписанная «В. Борахвостов»:

У Семеновской заставы находится приемник Главпрофобра. Живут в нем студенты различных вузов и техникумов. Живут скудно и скучно, в стороне от городской жизни. <...>

В прошлом году шла отчаянная игра в «очко». За картами просиживали целые ночи, некоторые за одну ночь проигрывали всю стипендию. Но «очко» надоедает, да и деньги не всегда водятся. Нужно искать других развлечений.

Вот примеры трюкизма «от нечего делать».

В приемнике жил парень из Вхутемаса. Он увлекался искусством и предпочитал целыми ночами рисовать, нежели участвовать в каких-либо «массовых кампаниях». Однажды в общежитие приходит этак с виду солидный молодой человек, одетый по последней моде. Отрекомендовавшись одним из администраторов Третьяковской галереи (sic. – Э.М.), он обратился к парню-художнику:

«Мы, товарищ, слышали, что вы прекрасно рисуете. Будьте добры, покажите ваши работы...»

Парень смущен, лицо постепенно покрывается краской. Он радостно достает из-под матраца свои работы.

«Администратор», похваливая рисунки, одобрительно пощелкивает пальцами и, отобрав порядочное количество полотен и рисунков весом около 2 пуд., попросил владельца их занести все в Третьяковку в одно из воскресений. Пробормотав еще что-то по-французски, он раскланялся и, вежливо пожав «талантливому художнику» руку, солидной походкой удалился.

Парень пылает от восторга и в первое же воскресенье, взвалив на плечи свои труды, пешком отправляется в Третьяковку (расстояние 2 трамвайные станции). Там его, конечно, принимают за сумасшедшего. Разочарованный, обозленный, он возвращается домой. Его встречают дружным хохотом. Оказывается, «администратор»-то не кто иной, как студент из соседнего помещения.

По ночам частенько орудуют «художники-виртуозы». Спящих товарищей мажут сажеей, раскрашивают акварельными красками «под индейца», «под негра», словом, под любую расу. Просыпающийся под смех «мастеров» кроет матом до бесконечности. Одного студента вытащили вместе с кроватью в холодную уборную, на двор. Через несколько минут проснувшийся от холода парень как сумасшедший врывается в комнату и под дружный хохот «обкладывает» крепкой бранью. Примерзшую к полу уборной койку еле-еле смогли оторвать.

Нередко такие «развлечения» оканчиваются дракой [Борхвостов 1927].

Эти свидетельства «разрухи в головах», которым в красочности никак не откажешь, Маяковский не использовал, тогда как «Пари» из «Красного студенчества» прошло в «Делах вузных» гвоздем программы. Перепечатка его в «Комсомолке» подписана прозрачным псевдонимом «В. Бурый» (на одной полосе дважды одним именем подписываться не принято). Материал претерпел минимальную редактуру и в заголовке удачно обзавелся прилагательным «Макаронное». Кое-где (но не всюду) упорядочены времена глаголов, которые в оригинале Борхвостова от предложения к предложению скачут из прошлого в настоящее и обратно; прямая речь обогащена восклицательными знаками; фамилия Будилов изменена на подлинную – Будю; убраны плеоназмы вроде «заграничной поездки в Италию» и «в течение получаса времени»; общий поход в уборную украшен кар-

тинкой «все члены жюри с часами ждут у дверей»; ликвидирована незамысловато назидательная концовка: «Вот чем занимаются вхутемасовцы от скуки».

В заметке «Новая жизнь во Вхутемасе», подписанной «Рабфаковец» (и, по стилистике судя, похоже, это опять Борахвостов) дана динамика от полного упадка (общежитие – «гнездо самоубийств») к наметившимся благодаря вмешательству комсомола улучшениям. Положительные сдвиги отражены во второй «лесенке» Маяковского из «Дел вузных», ей дан подзаголовок «Огромные мелочи». Да, это всего лишь вымытые полы, марлевые занавески и покрытый зеленой бумагой стол, но куда ж без воспитательного примера...

Еще не изгладились из памяти наших читателей прошлогодние мрачные события, окутывавшие Вхутемас и его художественный рабфак. По выражению автора одного из фельетонов Вхутемас был «гнездом самоубийц». Такое определение почти соответствовало действительности.¹³ Какой-то черный призрак нависал над Вхутемасом. В короткое время – три самоубийства подряд и два или три покушения. Уныние, пессимизм стихийной волной стали захватывать наиболее слабую часть молодежи. Общее состояние особенно в рабфаке стало тяжелым, напряженным.

Факты самоубийств всколыхнули студенческие, партийные и общественные организации.

Ячейка ВЛКСМ занялась изучением быта, породившего такие мрачные настроения.

Известно, что грязь личная, общежитейская, неряшливость, беспорядок образуют глубокую трещину в психологии человека, развивают лень, апатию, «трухлявую обломовщину» и ряд других отрицательных черт характера.

Наши общежития иногда бывало трудно отличить от конюшни. С грязью, неряшливостью и беспорядком повела борьбу бытовая комиссия, организованная ячейкой. Недавно она объявила конкурс на лучшую комнату в общежитии по чистоте и опрятности, по рас-

¹³ Ср. у Маяковского: «Бывало, / сюда / в общежитие / ткнись / – ноги окурки мёсят, / висит паутина / и вверх / и вниз... / Приди, / посмотри / и повесься! / А тут / еще / плохие / корма – есенинский стих и водка / и неудавшийся / роман / с первой / вертлявой / молодкой» [Маяковский 1927].

порядку занятий и разумному отдыху.¹⁴ Установили премии: столики, стулья, одеяла, лампочки, чайники и пр.

Этот конкурс сделал много. Теперь трудно узнать те комнаты, которые месяц назад утопали в вихрях пыли и тучах дыма. Не только на столах, но и по всей комнате, даже под кроватями не найдешь теперь того хлама, грязи, беспорядка, которые являются неотъемлемой частью любого студенческого общежития. Реже можно услышать теперь ту площадную ругань, которая нередко оглашала стены общежития.¹⁵

Особенным примером может служить комната девушек № 3 (по Боброву переулку, № 3). Столы у них аккуратно покрыты зеленой бумагой. Каждая кровать имеет марлевые занавески. Пол всегда чист. На окна повешены также марлевые занавески, раскрашенные самими студентками. Грошевая затея создала уют. В такой комнате каждый с удовольствием станет заниматься [Рабфаковец 1927].

Отчаянная концовка газетного стихотворения Маяковского «Дела вузные, хорошие и конфузные»: «Боритесь / за чистый стол и стул! / Товарищи, / больше попыток / ввести / электричество и чистоту / в безрадостность нашего быта!» [Маяковский 1927] – свидетельство того, что в ходе революционных переустройств, начало которым застолблено в пастернаковском «Детстве», легкая бытовая «грязца» разрослась до «грязи, похабщины, безделья и взаимной вражды».

Образное оформление происходящего неразрывно связано с его нравственным смыслом, и что, собственно, мешает распространить представление о студенческом общежитии на страну в целом? Однако ж теперь, сто лет спустя, вздохнув вслед за М.М. Бахтиным: «Явление, принадлежащее малому времени, может быть чисто отрицательным, только ненавистным, но в большом времени оно амбивалентно и всегда любо, как причастное бытию» [Бахтин 1990, 536],

¹⁴ «Дела вузные»: «И вот / ячейка ЛКСМ, / пройдя / по этому омуту, / объявляет / по вузу / всем – конкурс / на лучшую комнату» [Маяковский 1927].

¹⁵ «Дела вузные»: «Помыли полы, / и скатерть на стол – и дом / постепенно / óжил, / и стало / «самоубийства гнездо» / радостью молодежи» [Маяковский 1927].

умилимся «марлевым занавескам» и напомним, что к наглядной, плакатно-поэтической фиксации уродливого явления причастен оказался рабфаковец Василий Борахвостов.

Неслучайный творческий контакт столь различных по масштабу людей, как Маяковский и Борахвостов, высекает искру, в свете которой смутно проявляется их родство и ярко – несхожесть судеб. Плодотворная для сравнений разность потенциалов, возможно, могла бы стать предметом дальнейшего рассмотрения.

Поневоле решишь, что Борахвостову судьба благоволила. Из тьмы невежества (что совсем не гипербола) он попадает в столицу, в эпицентр соцстроительства, именно в тот момент, когда новая власть отлавливает и пестует свежие дарования (пусть даже и явив собой в итоге один из зримых примеров того, как эта практика потерпела крах); он возвращается в избранной среде; он поразительным образом избегает советских бедствий (и репрессий, и не то что гибели, но даже ранения на войне); ему дана была долгая, за бильярдным и письменным столами, жизнь; он едва ли не канул в Лету, но мистическим образом выплыл.

Источники

Алексеев 1973 – Алексеев А.Г. *Серьезное и смешное*. М., 1973.

Балин 2004 – Балин И.В. *В мире бильярда: Полное руководство для желающих научиться играть на бильярде*. М., 2004.

Борахвостов 1926 – Борахвостов В. *Пари* // Красное студенчество. 1926. № 10. С. 25.

Борахвостов 1927 – Борахвостов В. *От нечего делать* // Комсомольская правда. 1927. 28 мая. № 119.

Борахвостов. Рукопись 1 – Борахвостов В.Н. *«От моей родной школы ничего не осталось...»* Рукопись. 1 с.

Борахвостов. Рукопись 2 – Борахвостов В.Н. *Ни бе, ни ме, ни Мериме*. Рукопись. С. 1–4, 8.

Борахвостов. Рукопись 3 – Борахвостов В.Н. *«...С уже изрядно потертым плюшем...»* Рукопись. 1 с.

Катаев 2016 – Катаев В. *Алмазный мой венец*. М., 2016.

Мариенгоф 1998 – Мариенгоф А.Б. *Бессмертная трилогия. Это вам, потомки!* М., 1998.

Маяковский 1927 – Маяковский В.В. *Дела вузные, хорошие и конфузные* // Комсомольская правда. 1927. 7 июня. № 126.

Нагибин 2017 – Нагибин Ю.М. *Дневник 37-го года / Подготовила М.А. Раевская // Родом с Чистых прудов: Юрий Нагибин. Жизнь и судьба / Авторский коллектив газеты «Вечерняя Москва». М., 2017. С. 240–249.*

Никулин 1933 – Никулин Л.В. *Василий Борахвостов* // Смена. 1933. Ноябрь. № 251. С. 19.

Пастернак 1992 – Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992.

Рабфаковец 1927 – Рабфаковец. *Новая жизнь во Вхутемасе* // Комсомольская правда. 1927. 28 мая. № 119.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр.1089. Л. 1–73; Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 238.

Червин 1927 – Червин И. *Бурсацкие нравы* // Комсомольская правда. 1927. 28 мая. № 119.

Borokhvastov 1936 – Borokhvastov V. *The Tiger* // A Book of Contemporary Short Stories. New York, 1936.

Литература

Бахтин 1990 – Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1990.

Меленевская 2016 – Меленевская Э.Д. *Казус Борахвостова: Опыт интернет-разысканий* // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 329–352.

Меленевская 2019 – Меленевская Э.Д. *Василий Борахвостов: «...И снова стал работать писателем». Эскиз к биографии* // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сб. науч. статей. СПб., 2019. С. 172–184.

Меленевская 2020 – Меленевская Э.Д. *«Обложкой к врагу»: Воинский опыт писателя Борахвостова* // Знамя. 2020. № 8. С. 329–352.

Ройтенберг 1985 – Ройтенберг О. *Новое об Александре Щипицыне* // Панаорама искусств. 1985. № 8. С. 108–120.

Brewster 1936 – Brewster Dorothy. *Introduction*. In: A Book of Contemporary Short Stories / Ed. by Dorothy Brewster. New York: Macmillan, 1936. P. V– XIV.

ON ONE OF THE ACQUAINTANCES OF MAYAKOVSKY MADE DURING BILLIARDS AND AFTER: BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVE OF VASILY BORAKHVOSTOV

© **Melenevskaya Evelina Dmitrievna (2020)**, SPIN-code: 2856-8333, ORCID: 0000-0001-7727-5019, independent researcher, melvelina@yandex.ru

The article considers the newly discovered facts of the life and work of the forgotten writer Vasily Nikitich Borakhvostov (1905–1988), a Tsaritsyn Cossack by birth, and an example of the Soviet experiment of the 20–30s on growing «writers of the people». As a deservedly forgotten writer, he is of undoubted interest as a participant, even if marginal, of the literary life of the 1930s. A long-term acquaintance of Ilya Ilf and Evgeny Petrov, Yuri Olesha, Alexander Fadeev, Lev Nikulin, and many other representatives of the Soviet cultural elite, he left memoirs that were not published by the Soviet Writer Publishing House due to the negative reviews by Viktor Arlov and Georgy Munblit. This article is the first to publish an excerpt from these

memoirs, now mostly lost, which tells how, through their common love to billiards, Borakhvostov met Vladimir Mayakovsky. Then, the author traces the genesis of one of the Mayakovsky commissioned journalistic poems, “*Dela vuznye, horoshie i konfuznye*” (“*University affairs, good and embarrassing*” (1927), based on the Borakhvostov’s feuilleton “*Pari*” (“*The Bet*”). Published in 1926 in the magazine «Red Studentship», the feuilleton was reprinted in 1927 by the «Komsomolskaya Pravda». As a result, public attention was attracted to unsightly facts from the way of life of Soviet students, which is exactly the theme of the specified poem by Mayakovsky.

Keywords: Borakhvostov, Mayakovsky, billiards, VKHUTEMAS, “University affairs, good and confusing”

References

(Articles from Scientific Journals)

Меленевская 2016 – Melenevskaya E.D. *Kazus Borakhvostova: Opyt internet-razyskaniy* [Case of Borakhvostov: The Experience of Searching through Internet] *Voprosy literatury*, 2016, № 1, pp. 329–352. (In Russian).

Ройтенберг 1985 – Roytenberg O. *Novoye ob Aleksandre Shchipsitsyne* [New Facts about Aleksandr Shchipsitsyn]. *Panorama iskusstv*, 1985, № 8, pp. 108–120. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Brewster 1936 – Brewster Dorothy. *Introduction*. In: *A Book of Contemporary Short Stories*. New York, 1936, pp. V–XVI. (In English).

Меленевская 2019 – Melenevskaya E.D. Vasiliiy Borakhvostov: “...*I snova stal rabotat’ pisatelem*”. *Eskiz k biografii* [Vasily Borakhvostov: “...and again, began working as a writer”. The Sketch for Biography]. “*Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli...*” *Zabytyye pisateli*: [“Did someone remember that we existed...” Forgotten Writers]. *Collected papers*. Saint-Petersburg, 2019, pp. 172–184. (In Russian).

Меленевская 2020 – Melenevskaya E.D. “*Oblozhkoy k vragu*”: *Voinskiy opyt pisatelya Borakhvostova* [“Turn the Book Cover to the Enemy”: Military Experience of the Borakhvostov the Writer]. *Znanya*. 2020, № 8, pp. 329–352. (In Russian).

(Monographs)

Бахтин 1990 – Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul’tura srednevekov’ya i Renessansa* [Rabelais and His World]. Moscow, 1990. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.09.2020